

ГЛАВЫ ИЗ УЧЕБНИКА

В. Головин

НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ КАК ДЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ: ПРОЕКТ ГЛАВЫ УЧЕБНИКА

Публикация представляет собой проект главы о творчестве Н. А. Некрасова для учебника «История русской детской литературы» и включает анализ только тех произведений, которые сам Н. А. Некрасов предназначал детскому читателю.

Ключевые слова: Некрасов, детская литература, стихотворения детям, эстетика радости, раек, раешник, сказка, обозрение, водевиль.

Предисловие

Учебник по истории русской детской литературы должен быть филологическим, потому что это учебник по истории литературы. В силу этого глава о творчестве Н. А. Некрасова для детей должна включать только два раздела: «Некрасов — критик детской литературы» и «Произведения Н. А. Некрасова для детей». Причем во втором разделе следует размещать только те произведения, которые сам поэт предназначал детям. Включение другой поэзии, «охрестоматизированной» и вошедшей в круг детского чтения, подразумевало бы иную парадигму анализа, учитывающую учебно-педагогические причины включения того или иного произведения в детское чтение, детская читательская рефлексия и др. Рассуждения о соответствии поэтического качества произведения детским читательским ожиданиям достаточно лукавы, поскольку автором, предложившим то или иное стихотворение детям будет не Некрасов, а методист — составитель конкретной хрестоматии¹.

Именно поэтому в этой главе принципиально отсутствуют упоминания о ранних «сказочных» опытах поэта и анализ хрестоматийных стихотворений «Крестьянские дети» «Мороз, Красный нос», фрагментов «Кому на Руси жить хорошо» и др. Стихотворение «Железная дорога» исключается из анализа, поскольку подзаголовок «Посвящается детям» после ряда публикаций автор снял. Каковы ни были бы причины снятия посвящения (цензурный запрет исключается, наоборот, в поздних прижизненных изданиях восстанавливались цензурные пропуски), мы исходим из воли автора

и не рассматриваем произведения, не имеющие прямой авторской адресации детям.

Некрасов — критик детской литературы

Некрасову принадлежат рецензии на три книги, адресованные детям: «Князь Курбский» Б. Федорова, «Дитя-художник. Русский патриот. Пять стихотворений» Н. Ступина и на подарочную брошюру «Дедушка Крылов» Д. В. Григоровича. Тексты первых двух рецензий не содержат концептуальных мыслей и представляют собой остракическую критическую риторичку, аналогичную риторике В. Г. Белинского в отношении большинства произведений для детей: «Книга (Б. Федорова) бесполезная и даже некоторым образом вредная, потому что может помешать развитию в них хорошего вкуса и научить высокому слогу, который давно вышел из моды и употребляется только в комедиях для смеху»; «Простее сказать: “Дитя-художник” учит детей марать и резать бумагу, — для какой пользы — неизвестно».

Единственно содержательное в этих рецензиях — критика высокопарных рифм и мысль о несоответствии содержания произведений и возраста адресата.

Третья рецензия на книгу о Крылове скорее напоминает благосклонный рекламный очерк.

Произведения Н. А. Некрасова для детей

Н. А. Некрасов — автор двух детских водевилей: «Федя и Володя» и «Великодушный поступок», датированных 1840 годом, когда поэт был учителем в пансионе Г. Ф. Бенецкого и, скорее всего, рассчитывал на исполнение их детьми. Впоследствии Некрасов критически относился к своему раннему творчеству и никогда не включал драматические произведения в собрания сочинений. При жизни поэта водевили не печатались и не ставились. Но, поскольку они представляют собой первый опыт обращения Некрасова к творчеству для детей и одно время предназначались автором к печати (об этом свидетельствует цензурное прохождение текстов), кратко на них остановимся — прежде всего с точки зрения представления творческой эволюции Некрасова как автора произведений для детей.

Несмотря на различие сюжетов², в водевилях представлена общая, достаточно тривиальная схема повествования — детский порок или порочный нрав и его исправление, эта схема подкрепляется наличием трех амплуа (порочное дитя, благодетельное дитя и резонер

(резонеры)), развязка дается в виде happy end'a с соответствующим морализаторским куплетом:

А чтоб снова нам печали
Не случилось такой,
От проказ мы будем дале,
И пойдет все чередой.
Мы теперь постигли ясно,
Что в проказах нет пути
И что истинно прекрасно —
Хорошо себя вести! («Великодушный поступок»)

Я буду хорошо учиться
И хорошо себя вести,
Лишь стану с умными дружиться,
А шалунам скажу прости... («Федя и Володя»)

Оба сюжета имеют жанровую куплетно-водевильную форму и предполагали шутивно-ироническое отношение к действию. При всей сюжетно-типовой шаблонности некрасовских детских водевилей отметим, что автор точно представил излишнее резонерское «занудство» взрослых, в какой-то степени мотивирующее кризисную ситуацию («детская дуэль»), отчасти показал психологическую дисгармонию отца и сына и суммировал короткий реестр детской лжи о невыученном уроке.

Некрасов предназначал детям только шесть стихотворений. В 1868 году во втором номере «Отечественных записок» опубликованы стихотворения «Дедушка Яков», «Пчелы» и «Генерал Топтыгин» с авторским примечанием: «Из приготавливаемой к печати книги стихотворений для детского чтения». В отдельных изданиях стихотворений 1869 и 1873 (II том) года эти произведения имеют посвящение: «Стихотворения, посвященные русским детям (1867)». С таким же посвящением («Из стихотворений, посвященных русским детям») в первом номере «Отечественных записок» 1871 г. опубликованы «Дедушка Мазай и зайцы» и «Соловьи», впоследствии также вошедшие в третий том собрания стихотворений Некрасова 1873 г. с подзаголовком и датой на шмуцтитуле: «Стихотворения, посвященные русским детям (1870)». В 1873 г. в книге «Нашим детям. Иллюстрированный литературно-научный сборник. Издание А. Н. Якоби» (СПб., 1873) опубликовано стихотворение «Накануне светлого праздника» с подписью: «Н. Некрасов», датой: «20 марта 1873» и подзаголовком: «Из стихотворений, посвященных русским детям».

Таким образом, только эти шесть стихотворений, имеющие прямую авторскую адресацию детям и объединенные в единый цикл,

могут считаться стихотворениями Н. А. Некрасова для детей. Каждое из шести стихотворений Некрасова относится к оригинальным опытам, имеет свои новации как в отношении литературной традиции, так и внутри цикла и поэтому требует отдельного рассмотрения.

Дядюшка Яков. В стихотворении впервые в детской поэзии доминирует раешный стих, что не только соответствует сюжету стихотворения (предложение офенем товара), но и является формой вызывающую *радостную* читательскую эмоцию. Раешный стих, будучи для читателя прецедентным, ассоциировался с ярмаркой, весельем, подарками, театрализованными представлениями (раек, Петрушка, балаганный дед и пр.). Некрасов стимулировал радостную читательскую эмоцию, усиливая ее несколькими факторами, в том числе яркой презентацией пряничных игрушек:

Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, шуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь — любы,
Раскусишь — сладки,
Оближешь губы!..

Раешная куплетная форма: «По грушу! по грушу!/ Купи, смений!/ У дядюшки у Якова, / Сбоина макова («Про баб товару всякого»; «Хватит про всякого»), начинается повествование лирического героя и заключает стихотворение. В экспозиции дается характеристика героя — дядюшка Яков представляется не столько офенем, сколько комическим типом: «Седенький сам, а лошадка каракова; / Вместе обоим сто лет»; «Выпито вечно и сыт, слава богу»; «Экой старик! видно добрую душу!», а также добрым балагуром-бессеребренником, близким к сказочному типу дурака. И в соответствии со сказочной традицией именно он совершает «доброе дело» — дарит книжку сироте. Стилистика поведения героя вполне соответствует балаганному зазывале, собирающему народ на представление, в данном случае мы имеем дело с торговым представлением, с «комедией повседневности»:

Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
Стойте! не вдруг! белены вы объелись?

Комедию повседневности поддерживают поэтические средства, богатая и *смешная* рифмовка:

Смех на какого-то Кузю *печально*:
Держит коня перед носом *сусального*;

Ситуацию знакомой покупательской суеты завершает дидактический мотив полезности просвещения, также впервые поданный в рашной форме. Книжки, буквари сначала выступают как товар:

Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
...
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь...
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!

Но затем объявляется их прагматическая полезность («Умен с ним будешь, / Денег добудешь...»), рекомендация уважаемых («Книжки с картинками, писаны четко —/ То-то дойти бы, что писано тут!»), книга сравнивается со сладостями — сайками, орехами, пряниками («Пряники, правда, послаще бы были»). Финал разрешает этот спор — самый жалеемый персонаж получает подарок балагура:

Молча крепилась Феклуша-сиротка,
Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза наворачнулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»

Пчелы. Некрасов в этом стихотворении предлагает новую для детской литературы форму притчевого повествования. Поэт дважды обозначил жанр притчи («Притчу про пчелок послушай!», «Тятину притчу тем часом прослушал»), но жанр притчи подразумевает нравственное поучение, а оно здесь отсутствует. Обозначение жанра притчи скорее подчеркивает значимость и «эффективность» такого отцовского рассказа про спасение пчел. Оригинальна и форма — обращение от первого лица в стилизованной неправильно-просто-

народной форме («На-тко медку! с караваем покушай») восстанавливает реальную атмосферу и реальный сценарий родительского рассказа. И здесь Некрасов уже в первом стихе не отступает от обозначения *радостного* для детской жизни события — угощения ребенка караваем с медом. Все это в совокупности обуславливает более эмоционально-осязаемую читательскую рефлексию и доверие тексту. Читательское сострадание утонувшим пчелам усиливается тем, что поэт только однажды называет насекомых пчелами, в остальных случаях он именуется их или «пчелками», или даже «милыми», «работницами», «сердечными», «богомолками». Перифразы и эпитеты («милые») в сочетании с описанием трагедийной картины («Сил не хватает у милой. Беда! / Пчелами вся запестрела вода») переводят притчу в лирическую тональность: Некрасов апеллирует фразами, близкими к лирическим формулам («Тонут работницы, тонут сердечные!») и соответственно транслирует читателю, возможно, знакомому с такими формулами, сильное эмоциональное переживание и напряжение. По сути дела мы имеем дело с одним из первых опытов лирики в детской поэзии. Особая трагедийность (а впоследствии и *радость*) сюжета стихотворения заключается в том, что у читателя некрасовского времени образ пчелы ассоциировался не только с трудолюбивым насекомым или насекомым-медоносом. Образ пчелы был связан с массой апокрифических и легендарных текстов, фиксировался в многочисленных паремиях (пчелу создал Бог и она защитила спасителя, имитировав собой гвоздь на его сердце; пчела — Божья угодница, поскольку доставляет воск на свечи; «не на себя пчела работает»; пчела жалит только грешника; пчела — вестница весны и пр.). Более того, именно в Благовещение, когда в стихотворении появляется спаситель пчел — Божий человек, совершается ряд пчеловодческих обрядов. Не стоит думать, что каждый ребенок-читатель владел знанием народных представлений о пчелах, но то что он мог знать об особом, божественном статусе пчелы представляется несомненным, что и поддерживается некрасовским сравнением:

Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Как богомолки у церкви на лавочке,
Сели — сидят.
На бугре-то ни травочки,
Ну а в лесу и в полях благодать:

Отметим также, что простое спасение пчел предлагает «Христов человек», появившийся в праздник Благовещения. «Благовещенскую» аллегорию нужно воспринимать только на лексическом уровне (также «благая весть») и в контексте «силы праздника». Но образ Христова человека, человека божьего и даже блаженного (отметим также и другие синонимы — юродивый, дурачок), наполняет стихотворение мотивом чуда — он предлагает простое и очевидное (поставить в воду веточки, на которых будут отдыхать нагруженные нектаром пчелы и не будут тонуть), которое не дано грешным («Горю помочь мы не чаяли, грешные, / Не догадаться самим бы вовек!»).

Дидактический сценарий: ты ешь мед — послушай притчу о трудностях медосбора и поблагодари спасителя, Некрасов облакает в лирический сюжет отцовского («тятиного») рассказа о трагическом событии и чудесном, хотя и простом, спасении, что превращает притчевую форму в лирическое стихотворение и подготавливает к искреннему сопереживанию при восприятии последних стихов:

Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклон
Господу богу отвесил и он.

Соловьи. Стихотворение «Соловьи» по своей форме и структуре близко к «Пчелам» и представляет собой лирическую притчу с аналогичным сюжетом: трагедия — спасение. Некрасов также начинает стихотворение с обещания радости детям: мать, после выполнения хозяйских работ, собирается сводить детей в заветную соловьиную рощу. Восстановление реального сценария материнского рассказа детям, реальной атмосферы общения матери и детей достигается интересными приемами, впервые появившимися в детской поэзии — повествование может прерываться замечаниями детям:

И хорошо и любо всем...
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлюбили рощу нашу.

Или реалистичными детскими сценками:

Средний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед него:
— А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —

Описание повседневности усиливает доверие к тексту, и Некрасов здесь представил подлинную «физиологию» крестьянского поведения в заветной соловьиной роще: от песен и хороводов, до разговоров пьяных крестьян. Попутно заметим, что тема «любви к выпивке» намечена в пяти из шести стихотворений детского цикла: дедушка Мазай, дядюшка Яков, поводырь цыган и «обратный» ямщик, кузнец не прочь выпить, что придает особый, искренний/национальный колорит как образу, так реальности быта.

Главный образ стихотворения — соловей, видимо, вследствие своего богатого пения (С. Т. Аксаков отмечал в песне курского соловья, обозначенного в тексте, от 8 до 24 колен пения) и календарной приуроченности пения к весне, обладал особой семантикой: соловей относился к «чистым» птицам, считался божьей птицей, поющей в раю, за свое пение пользовался любовью Бога и Божьей Матери, убийство соловья считалось серьезным грехом. Повторяем, мы не предполагаем повсеместного знания о народных представлениях о соловье у юных читателей — современников некрасовской поэзии, но в силу развитой «соловьиной традиции» в русской культуре и литературе эти представления могли быть не чужды детям-читателям. Схожесть описываемой «соловьиной рощи» и райского места, особенно в финале некрасовского стихотворения с его отчетливым социальным пафосом, безусловно, есть.

Образ соловья, вместе с описанной Некрасовым «рощей деревенского счастья», усиливает эмоциональную тревогу воспринимающего текст, когда появляется мотив истребления птиц и умолкания рощи из-за скупости людей. И это дает обратный эффект радостной эмоции, когда люди «положили меж собой» спасти птиц, наложив табу на их ловлю. В двух стихах Некрасова есть интересный подтекст, который также мог угадываться читателем и требует комментария:

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит — гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.
Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!

Праздник, если он теряет веселье, или справляется не так как раньше, может потерять свою позитивную прагматику.

Следует отметить, что при описании трех состояний соловьиной рощи (поющей, замолчавшей, и снова поющей) ассоциативно

угадывается известный сказочный мотив засыпания-просыпания заколдованной царевны (царства), который на момент написания стихотворения уже активно использовался в мировой и русской литературных традициях.

В стихотворении заключена притча о «наказанной жадности» и нравственном спасении. Но Некрасову удается уйти от притчевой прямолинейности, благодаря лирике повседневности, описанию детских забав и нарушений и детскости восприятия: после завершения притчи средний сын дразнит кота, младший ползет матери на шею, а старший пускает кубарь — дети не находятся в «нравственном впечатлении». Некрасов предлагает другой вывод, провоцируя его детским вопросом («— А есть ли, мама, для людей/ Такие рожицы на свете?»), который является характерным проявлением некрасовского социального пессимизма:

Нет, мест таких... без податей
И без рекрутчины нет, дети.
А если б были для людей
Такие рожи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!

Генерал Топтыгин. Стихотворение «Генерал Топтыгин» представляет собой анекдот — короткий рассказ о забавном происшествии. В тоже время Некрасов сохраняет идею детского ожидания праздника с его забавами и зрелищами. Вождение медведя было одним из самых популярных зрелищ некрасовского времени. Приведем только одно воспоминание: «Приход вожака с медведем составлял эпоху в деревенской заглушной жизни, все бежало навстречу — и старый, и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немогого уже с печки не спускалась, и та бежит» [Некрылова 2004, с. 60]. Некрасов вводит в детскую поэзию как анекдот, так и прием травестийности.

Эмоциональная рефлексия читателя, знакомого с традицией вождения медведя, усиливалась представленной меной ролей — обычно медведь выполнял просьбы цыгана-поводыря, имитировал собой человека: показывал как девки румянятся, как в зеркальце смотрятся, как солдаты маршируют, как малые ребята горох крадут, как мужик напивается, как стреляют и пр. У Некрасова обратная, вполне карнавальная картина, стационарный зритель («почтовой станции диктатор») стремится выполнить приказы медведя.

Предполагаем, что введенный в стихотворение мотив «важный человек в смешном положении», является ожидаемым для детского читателя и в какой-то степени компенсаторным. С другой стороны, на этом мотиве во многом построен петрушечный театр. А для читателя-ребенка ценно то, что знакомо ему по опыту. Важно и воссоздание театральной ярмарочной сцены — сюжет строится на случайном и непредвиденном стечении обстоятельств, что характерно для комедии положений, представлено травестийное «вождение медведя», выписаны реакции деревенских зрителей. Все это и создает парадокс веселого восприятия — а на самом деле, по причине пьянства, закованный и с кольцом на губе бедный медведь бьется на ухабах, пугает лошадей и в мучениях созывает толпу деревенских зевак.

«Дедушка Мазай и зайцы». В стихотворении представлен особый тип лирического героя. Он близок по своему амплуа к сказочному «дураку», шуту, и именно поэтому, в силу своей «отличности», шутовскому поведению, он и выполняет, как и его сказочные и литературные прототипы, нравственный долг — спасает обреченных зайцев.

«Отличность» и чудаковатость Мазая, представлена уже в начале стихотворения:

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему — скука!
За сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:
«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». — А леший? — «Не верю!
Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, — никого не видал!»

«Вдов он, бездетен, имеет лишь внука» — характеристика, которая является ключевой в стихотворении. В «кураже», т. е. нетрезвым или в лихости, Мазай пытается общаться с inferнальной силой, что абсолютно неестественно для русского крестьянина. Далее Мазай поэтически описывает природу низменного края сравнивая тишину ночного леса с церковной тишиной: также косвенный признак его «нетакости» — герой выступает как крестьянский пейзажный лирик. Затем, после промаха по зайцу, также является нестандартный, «альтруистический» подход, хотя добыча зайца является приятным дополнением к крестьянскому доходу:

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно кричит.

Итак, Мазай — ружейный охотник, что весьма редко для крестьянина, при этом альтруист и в тоже время он не прочь пообщаться с нечистой и рассказчик-лирик. Далее ему дается характеристика балагура — он рассказывает два анекдота:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,
Сядет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к заправке приложит — и грянет!
Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.
«Что ты таскаешь горшок с угольками?» —
Больно, родимый, я зябок руками;
Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,
Над уголочками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею!

Отрывок включает два мотива: первый — это мотив сломанного курка и поиска выхода из этой ситуации, второй — мотив холода. Названные мотивы совпадают с мотивами охотничьих анекдотов барона Мюнхгаузена. Как мы помним, у Мюнхгаузена ломается курок, и он страшным ударом кулака высекает искры из глаз, которые через заправку осуществляют возгорание пороха и удачный выстрел. Мотив нестерпимого холода также частотен в охотничьих рассказах Мюнхгаузена, особенно когда он путешествует по России. Один сюжет из Мюнхгаузена объединяет два мотива (поломка курка и холод). Он собирается ножом наладить курок, в это время на него бросается медведь. Взбираясь от него на дерево он теряет нож, который черенком торчит из снега. Поскольку стоит страшный холод, хвастливый барон воспользовался жидкостью, «которая в минуту страха у человека имеется в избытке». Жестокий холод мгновенно заморозил струю, Мюнхгаузен за ледяную сосульку подтягивает нож, чинит курок и добывает медведя [Приключения барона Мюнхгаузена 1985, с. 86].

Сам Некрасов недвусмысленно намекает на совпадение анекдотов у Мазая и Мюнхгаузена:

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.
Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слышал.
Дети, для вас я один записал...

Все перечисленные сюжеты от Мюнхгаузена вошли в первый перевод книги о Мюнхгаузене на русский язык Н. П. Осипова, который вышел в 1791 г. под заглавием: «Не любо — не слушай, а лгать не мешай». Обратим внимание, что это название зашифровано повторится во время возвращения Мазая с зайцами в деревню:

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!

Но этот парафраз пословицы «Не любо — не слушай, а лгать не мешай» не только возможная отсылка к первому изданию книги о Мюнхгаузене на русском языке. В собрании русских сказок А. Н. Афанасьева предлагается десять вариантов сказок-небылиц «Не любо — не слушай», с сюжетами, основанными на нелепицах и лжи. [Не любо — не слушай 1985, с. 144–155]. Мотивы в них вполне мюнхгаузеновские: зад и перед лошади разделяются и живут отдельно, потом сшиваются; на мухах, комарах летают на небо; летают, привязав веревки к ногам журавлей; утка или волк своим хвостом вытаскивает мужика из болота, журавли или медведь впрягаются в хомут и тащат телегу; мужик на растущем горохе или дубе попадает на небо; мужик собрал утиные яйца, прилетела утка, вывела утят, мужик всех зажарил и съел; искры из глаз воспаляют порох, ружье стреляет и добывается тетерев³.

В этих сказках-небылицах мы постоянно встречаем рашенный стих, его и использует балагур-Мазай, когда он выпускает зайцев с выкриком:

Лодку причалил —
и «с Богом!» сказал...
И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!»
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицельсь — бух!
И ляжешь... У-у-х!..»

Мазай кричит раешным стихом — языком уличных и балаганных балагуров, что объединяет его Петрушкой, раешником (владельцем и поэтом райка), балаганным зазывалой, офенем. Все так же моделируется *радостное* восприятие: раешный стих — маркер радости по причастности к ярмарочному веселью и ярмарочным покупкам и подаркам.

Некрасов поддерживает в Мазае статус чудака, но не оставляет его в этой роли окончательно. Тогда бы стихотворение перешло в русло фольклорной стилизации. Мазай не тип, а характер, а последний предполагает противоречивость. Дедушка Мазай, как и многие крестьяне ворует по весне даровые сплавные дрова, свою альтруистическую жалость к зайцам объясняет линностью их шкуры («Я их не бью ни весной, ни летом, Шкура плохая, — линяет косою...»)

Тем не менее, текст четко определяет репутацию Мазая — балагура, альтруиста, несколько странного в своей охотничьей страсти — не добытчика, а забавляющегося охотой, порскальщика, склонного пошутить с нечистью, лирика природы, русифицирующего анекдоты Мюнхгаузена. Согласимся, что такая репутация определяет Мазая как особый тип лирического героя: литературно-сказочного шута и балагура. Важной чертой такого типа является то, что он бессеребрянный и именно поэтому он, и только он, совершает нравственный поступок.

В заключение следует обратиться к одной строке стихотворения, которая возможно является его шифром: «Вдов он, бездетен, имеет лишь внука». Бездетным считался тот, у кого нет своих детей, наследников («Бездетный умрет, и собака (по нем) не вззоет»). Но, если дети у Мазая умерли, оставив внука, то он не может быть назван бездетным. Бездетен может означать и означало лишь одно — дети не родились. В данном случае важно другое — данная строка поразительным образом напоминает сказку, небылицу, существующую во многих культурах. Из множества вариантов таких сказок-небылиц приводим два, и только значимые для нас отрывки.

1. «Ну вот, он согласился, старик этот. А он начал говорить сказку:

— *Когда начался свет, мне было семь лет. Батка мой не родился, дед не был женат.* Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужжелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот — иноход...» [Молдавский 1955, с. 246–279].

2. *«Жил я с дедушкой, а батка мой тогда еще не родился: по тому самому, как начался свет, — было мне семь лет. Жили мы*

куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых...» [Не любо — не слушай 1985, с. 144–155, вариант 6].

Подчеркнем, что название этих сказок-небылиц: «Не любо — не слушай», и вновь напомним строку из «Дедушки Мазая», как его воспринимают односельчане с зайцами: «Глянь-ко: что делает старый Мазай! Ладно! любуйся, а нам не мешай!». Некрасовский парафраз русской поговорки «Не любо, не слушай, а лгать (или: а врать) не мешай!» очевиден. Заметим, что эта поговорка в собрании В. И. Даля находится в одном разделе («Неправда-ложь») с другой, очень похожей, но в контексте стихотворения очень важной для нас: «Ложь на охотника, а не любо — не слушай!».

Независимо от того, расшифровывалась читателем эта строка, сопоставлялась ли она со сказкой или нет, но она настраивала на восприятие стихотворения как небылицы, необыкновенного приключения чудака-бессеребрянного, осуществившего, в отличие от всех, нравственный долг. Таким образом это стихотворение-анекдот — краткий забавный рассказ о необыкновенном приключении. А жанр анекдота и определяет читательскую рефлекссию.

Накануне светлого праздника. В данном стихотворении, как и в «Дедушке Мазае и зайцах», Некрасов не выбирает посредника в виде лирического героя, а сам рассказывает детям о «чудесной картине». Некрасов интригует читателя, создавая эффект ожидания «чуда». Сначала он представляет нейтральную картину («Лесок малорослый», «Береза, осина, / Да ель, да сосна»), затем говорит об увиденной «чудесной картине», но не расшифровывает ее: «Ни озера, дети, / Забыть не могу», «Тут чудо-картину/ Я видел тогда!») и вновь создав «ожидательную паузу» («Начну по порядку: / Я ехал весной, / В страстную субботу, / Пред самой Святой») поэт представляет дивертисмент труда.

О Некрасове как о «певце труда» написаны сотни исследований и монографий, но нас интересует в какой форме Некрасов предлагает данную тему детскому читателю. И здесь Некрасов впервые в истории русской детской литературы представляет такую форму как «обозрение» — цикл лиро-эпиграмматических миниатюр о профессиях людей, возвращающихся к Пасхе домой. Каждая картина представляет собой обозначение профессии и устойчивую характеристику ее носителя (гуляка-портной, кузнецы-молодцы), описание

атрибутов труда и внешнего вида в обязательном сравнении (напр., «А пилы стальные / У добрых ребят, / Как рыбы живые, / На плечах дрожат!», «И словно ландкарта / Передник на нем»). У всех типов есть свои отличительные типовые характеристики (гуляка, весельчак, грязнуля, угрюмый), которые может подкрепляться дополнительными динамическими характеристиками:

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут...

Такая форма — обозрение в миниатюрах — в детском стихотворении и в авторском предложении имеет свой генетический источник — ярмарочный раек, где за каждой новой картинкой следует отнесенный к ней текст — «раешный стих» — стих, построенный на чередовании конкретных образов, насыщенный метафорами, эпитетами, омонимами, повторениями и сравнениями. Эта поэтическая форма была известна детям по ярмарочной культуре (раек, народная драма, язык Петрушки) и вызывала *радостную* реакцию. И Некрасов в своем обозрении использует многие поэтические приемы райка. Узнавание и приятие читателями-детьми обуславливалось и «прецедентностью» ожидания в том случае, если это был крестьянский юный читатель, знакомый с радостными ощущениями, подкрепляемыми гостинцами и подарками от родителей, возвращающимися с промысла через полгода отсутствия (обычный срок зимнего промысла: от Покрова до Пасхи).

Некрасов восхищается трудниками и их статью. Восхищение включает добрую иронию и завершается благопожеланием:

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,
Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой...

Таким благословением в контексте ожидаемого главного праздника, автор как будто являет собой проповедника протестантской трудовой этики (термин М. Вебера) — религиозно обоснованной доктрины о добродетельности и необходимости усердного и добросовестного труда.

Последняя, третья часть стихотворения посвящена описанию картины крестьянского хода на пасхальную службу, эмоционально усиленную яркими цветовыми пятнами (пучки горящей соломы, костры на берегу озера) и звуковыми характеристиками (громкий колокольный звон). Собственно именно эту картину поэт, вкупе с дивертисментом труда, и называет «Чудесной картиной» (Чудесная, дети, / Картина была!..). Некрасов дает здесь точную репрезентацию предпасхального ожидания чуда, но в крестьянско-деревенском изводе. В Великую субботу («Я ехал весной, / В страстную субботу») в Иерусалиме чудесным образом нисходит благодатный огонь («Вечернюю мглу / Огни озарили: / Куда-то идет / С пучками горящей / Соломы народ», «У озера ярко / Горели костры»), и, когда появляется свет, в храме раздаётся колокольный звон («Как колокол громко / Ответ прогудел!»).

***

Как мы уже сказали выше, литературно-педагогические (и зачастую даже литературоведческие) исследования произведений для детей Н. А. Некрасова зачастую исходят из неверных предпосылок. Во-первых, в корпус анализируемых произведений для детей включаются произведения, которые поэтом для детей не предназначались. Это задает неправильную траекторию исследований, поскольку «картинки детства» и обращение к детям не всегда свидетельствуют о том, что это произведения для детей. Во-вторых, как следствие первого, в этих исследованиях воспроизводятся раннесоветские социологические трактовки творчества Некрасова как творчества «социального сочувствия», значительно сужающее проблематику некрасовских стихов, в том числе и детских. В-третьих, герменевтический анализ по преимуществу строится, исходя из горизонта ожидания читателя XX–XXI вв., и не учитывает картину мира ребенка второй половины XIX в. — некрасовского современника.

Еще одна проблема, которая привычно оставалась вне поля зрения исследователей детского творчества Некрасова — исследования оригинальности и новаторства приемов поэта. Нужно помнить, что эстетика литературного процесса Нового времени подразумевает творческую состязательность, особенно явственно проявляющуюся в тех случаях, когда поле состязательности имеет жесткие границы — или это поле одного жанра, или, как в нашем случае, специфического адресата. Н. А. Некрасов был очень хорошо знаком с литературным потоком современной ему отечественной детской

литературы — в «Современнике» и «Отечественных записках» напечатана масса критических рецензий на произведения для детей, по которым становится очевидно, от каких «традиций» Некрасов отказывается и в каком направлении предполагает развивать оригинальную русскую детскую поэзию.

Некрасов отказывается от предложения поэтических ностальгических картинок детства, которые были известны и особенно широко представлены в 60–70 годах XIX века в «плещеёвской школе», которая начиналась в некрасовском «Современнике» и «Отечественных записках». Наиболее популярными к концу 60-х гг. были, во-первых, поэтические миниатюры о детстве, во-вторых, мягкое и веселое назидание, в-третьих, сострадание чему-либо. Характерными примерами таких текстов можно считать «Детство» («Вот моя деревня») И. З. Сурикова (1866), «Дети, в школу собирайтесь» М. Б. Модзалевского (1864) и «Сиротка» К. А. Петерсена (1843) вкпе с «Птичкой» («А, попалась птичка, стой!») А. А. Пчельниковой (1859).

Но в стихотворениях Некрасова ребенок не выступает главным лирическим героем, что часто было на тот момент развития детской поэзии признаком детского стихотворения. Он не использует многие другие частотные темы и сюжеты современной ему детской поэзии: детский проступок, детская игра, детское учение, пейзажные и анималистические картинки. Это не означает, что Некрасов был противником данных форм и сюжетов, но все-же он предлагает свои, оригинальные, что абсолютно соответствует эстетической традиции Нового времени: два его стихотворения представляют собой анекдот, два поэтическую притчу, одно «ярмарочную картинку» с элементами «обозрения» и одно «пасхальную картину» с обширным обозрением.

Первое, что следует отметить, это создание атмосферы *радостного восприятия*. Приемы трансляции *радости* различны — от конкретного подарка, угощения, обещания прогулки в чудесную «соловьиную» рощу до создания радостного подтекста — демонстрации «прецедентных текстов» с элементами, типами, сюжетами радостных событий, с которыми дети сталкивались в жизни. Прежде всего это относится к трансляции ярмарочного текста в виде раешника, балагуров (Мазай, Яков) и таких сюжетов, как например, «вождения медведя» и «важный человек в смешном положении». Некрасов впервые мощно вводит в детскую поэзию элементы театрализации, как в сюжет (использование приемов комедии положений и травестийности, ярмарочных представ-

лений), так и в систему восприятия: зритель (читатель) знает причину комичности ситуации («Генерал Топтыгин»), о чем не догадываются ее герои.

Второе — Некрасов на основе преимущественно яркого события, определенно значимого для детей (спасения зайцев, соловьев, пчел), создает напряженный сюжет благодаря лиризации произведения. Ряд сюжетов строится на парадигме «смерть-спасение», с кульминационной точкой «отчаяния», после чего следует чудесное спасение. Напряжению способствует семантическая многозначность лирических образов (соловьи, пчелы). Эмоцию детского восприятия усиливает реализация «чуда» (чудесного мотива), представленная в трех стихотворениях. Некрасов использует также «сказочные прецеденты» как в системе восприятия произведения через формулу («Дедушка Мазай и зайцы»), так и в аллегорической трансляции мотива засыпание-просыпание («Соловьи»).

Некрасов — первый автор стихотворного обозрения в детской литературе («Накануне светлого праздника»), которая генетически связана с традицией ярмарочного райка. Под стихотворным обозрением мы понимаем чередование лиро-эпиграмматических миниатюр. Впоследствии такая форма будет весьма востребована у детских поэтов Серебряного века (напр., «У антиквария» М. Моравской) и особенно в советское время (напр., С. Я. Маршак «Детки в клетке», «Азбука в стихах и картинках», «Цирк»).

Примечания

¹ См., например, статью о стихотворении «Школьник» [Макеев, Герасимова].

² «Великодушный поступок» — мальчик Ваня подламывает стул учителю пансиона и он падает на уроке. Затем следует долгое выпытывание учителями, кто совершил такой дерзкий проступок. Всем грозит наказание в виде запрета на воскресный отпуск домой и лишения обеда. Видя общее страдание, другой мальчик Митя, пеняет виновному, и сам вместо него признается в не совершенном проступке. Это сильно воздействует на Ваню и он искренне и публично кается. В итоге все прощены, мальчики обнимаются и хор учеников поет «раскаятельный куплет». «Федя и Володя» — Федя не может признаться в своей симпатии к Соне и вследствие этого постоянно привирает, чему следуют нравственные укоры и нравоучения отца и гувернера. Во время детского бала он из ревности вызывает на «дуэль» своего «противника» — бывшего друга Володю. Отец и гувернер тайно наблюдают за сценой «дуэли» и благородным поведением Володи. При их появлении Федя раскаивается, осознает присущую ему своеправность и все заключается дружески-саморезонерским куплетом.

³ Все эти сказки получили сравнительно-типлогический комментарий в академическом издании, и первая книга о Мюнхгаузене на русском языке там указана (Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 3. С. 402–407).

Источники

Не любо — не слушай // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 3.

Приключения барона Мюнхгаузена. М.: Наука, 1985. (Лит. памятники.).

Исследования

Макеев М., Герасимова К. Стихотворение Н. А. Некрасова «Школьник» и проблема «демократизации» канона в русской школе 1860-х годов // Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон / ред. тома А. Вдовин, Р. Лейбов. [Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX]. Тарту, 2013. С. 188–202.

Молдавский Д. Комментарий // Русская сатирическая сказка: в записях середины XIX–XX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004.

МАТЕРИАЛЫ

А. Жвалевский, Е. Пастернак

КАК ЗАЩИТИТЬ КЛАССИКОВ

Год назад мы начали писать книгу «Смерть Мертвым душам!». Как уже можно судить по самому заглавию, для работы над ней нам пришлось изрядно освежить свои познания в школьной программе и перелистать Толстого, Гоголя, Пушкина, Тургенева...

С некоторым потрясением мы обнаружили, что, оказывается, в школе нас заставляли читать прекрасно написанную литературу. Причем, ключевым, к сожалению, все же оставалось слово «заставляли», что надолго оставило самые нелестные впечатления о школьном списке: «ну и нудятина», «скорей бы сдать и забыть», «ненавижу Гоголя!» и пр. Думаю, под этим могли бы обеими руками подписаться и современные школьники, которые реагируют подобным образом даже не на текст, а на фамилию на обложке. Например, продавцы книжных магазинов рассказывали нам, что некоторые дети отказываются покупать книжку, автором которой значится Пастернак: «Школьная программа? Да ну ее!». «Пастернак», правда, здесь Евгения, а не Борис, но отвращение к классике, привитое в школе, застит глаза.

И тогда мы задумались — как сломать этот шаблон? Как убедить современного подростка, что Толстой «крут», Гоголь «прикольный», а Достоевский (уж простите за сленг) вообще «жесть»? В нашей повести мы предложили несколько способов пропаганды чтения, причем больше всего нас вдохновило написание фанфиков по классическим образцам.

Слово «фанфик», как известно, означает творчество поклонников какой-либо книги или фильма. Допустим, проглотил подросток всю эпопею о Гарри Поттере, перечитал раз, другой, третий... а с любимым героем расставаться не хочется. Вот и берет поклонник клавиатуру, напрягает фантазию и сочиняет продолжение приключений Гарри. Или историю где главным героем становится какой-нибудь второстепенный персонаж. Или вообще предлагает альтернативное развитие событий в мире того или автора. Фанфики чрезвычайно популярны в сообществах книжных фанатов. Этот вид литературы